

Посвящается 65-летию Великой Победы

Н.П. ФЕДОРЕНКО В ГОДЫ ВОЙНЫ

А.В. Летенко, А.И. Ставчиков

(Москва)

Как рассказывал нам Николай Прокофьевич Федоренко, вышло так, что свой 28-й день рождения он отметил в день, который мы теперь называем Днем Великой Победы. Именно так, 9 мая 1945 г. будущий первый директор ЦЭМИ, будущий академик-секретарь Отделения экономики АН СССР “и прочая, и прочая”, а тогда – капитан химических войск встретил в поверженном Берлине, выполняя ответственное задание командования. Однако первые шаги по суровым военным дорогам он сделал в тревожной обстановке начала войны. И именно в те нелегкие годы, в жестких условиях у него стали проявляться личные и деловые качества, которые впоследствии привели к творческим и административным вершинам отечественной науки.

В начале лета 1941 г. студенты Московского института тонкой химической технологии проходили производственную практику, прерванную сообщением о начале войны. На следующий же день после памятного выступления 3 июля по радио И.В. Сталина Н.П. Федоренко – тогдашний комсомольский вожак МИТХТ, решив не отсиживаться дома, объявил на общем собрании запись в народное ополчение и на правах ведущего записался первым. Через день был организован сбор добровольцев в состав Первой дивизии ополчения, которой было присвоено имя М.В. Фрунзе. Последнее объясняется просто: Первая, а также собранная позже Вторая дивизии состояли из добровольцев Фрунзенского района Москвы. Многие из этих добровольцев не вернулись домой, и памятник им стоит сегодня на месте того сбора – перед зданием Института иностранных языков на Остоженке. Тогда же Николай Прокофьевич получил свою первую военную должность – командир отделения.

Кое-как обмундированные, в разномастных головных уборах (сапог, гимнастеров и пилоток тогда не хватало для самой армии) ополченцы в первую же ночь совершили пеший марш-бросок на 60 км и остановились лагерем у деревни, где построили шалаши и принялись залечивать первые раны. Большинство городских ребят от непривычки к длительному маршу в грубых солдатских ботинках стерли ноги до крови. Наш же герой – крестьянский сын – умел обращаться с обмотками и портянками, и этот опыт ему тогда пригодился. Долго задержаться в этом месте не пришлось, и тут ребятам первый раз и очень крупно повезло: буквально на следующий день, когда они, получив оружие и познакомившись со своими командирами (управлять ротами и взводами была назначена тоже молодежь – недоучившиеся мобилизованные курсанты военного училища), оставили лагерь и тронулись в путь на Запад, немцы обнаружили лагерь и разбомбили его.

Путь в сторону Белоруссии был для ополченцев нелегким. Они несли тяжелые допотопные мосинские винтовки, в карманах у них было по пяти патронов на брата (у Николая Прокофьевича как командира отделения была еще и граната-лимонка). Кроме того, у них было прямо-таки музейное “оружие массового поражения” – кольтовский американский пулемет времен Первой мировой войны. Только один его ствол весил два пуда – 32 кг, остальные части были еще тяжелее. Все это оружие приходилось нести на себе, что бойцы делали по очереди. По обочинам дорог ополченцы двигались на Запад, испытывая значительные трудности в продовольствии и организации ночлега, поскольку их обеспечивали по принципу “как Бог пошлет”, а не по нормам действующей армии. Вдоль дороги им встречались расстрелянные с немецких самолетов стада домашнего и колхозного скота, который беженцы пытались увести на Восток. Конечно, они могли бы наварить себе мяса и наестся, однако это было строгойше запрещено. Ополченцам приходилось туго, и их не могли выручить лимонад, боржоми и бутерброды, которые им вдогон-

ку время от времени посылал райком партии и его секретарь Екатерина Алексеевна Фурцева. Такой паек, которым можно было перебиться во время перерывов в заседаниях, не годился для военного похода, и ребята, конечно, слабели.

С немцами ополченцы встретились под Вязьмой, возле которой вскоре после их прибытия на фронт завязались тяжелые бои. Бойцы дивизии народного ополчения срочно осваивались в прифронтовых условиях действующей армии, обучались военному делу, готовились к серьезному сражению. Все они были истинными патриотами и готовились пожертвовать собой ради спасения Родины. Впрочем, как говорится, “в семье не без урода”. В отделении Федоренко на старшем курсе был студент по фамилии Батыгин, который еще в институте превозносил немецкую технику и немецкое военное искусство, а также предрекал победу Германии в предстоящей войне. Комитет комсомола МИТХТ исключил его из комсомола, однако райком ограничился для него выговором. С этим выговором он и прибыл с товарищами под Вязьму и однажды, отпросившись у Н.П. Федоренко в лес якобы для сбора грибов для солдатской кухни, исчез. Перебежал-таки к немцам, но неудачно. Потом во время атаки наших войск он попал в наш плен и был расстрелян как предатель.

А вот студентам-добровольцам тогда во второй раз крупно повезло. Они не успели попасть в кровавую мясорубку: обнаружив острую нехватку офицеров инженерно-технического состава, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение срочно отозвать ополченцев-студентов в тыл и немедленно направить их на учебу в военные учебные заведения. И вот глубокой ночью три десятка добровольцев под командованием Н.П. Федоренко построилось и отправилось в обратный поход. Судьба: на рассвете того же дня оставленная ими дивизия была атакована превосходящими силами гитлеровцев и попала в окружение.

Через день после возвращения с фронта, отчитавшись за каждый истраченный патрон и единственную взорванную гранату, добровольцы взвода Федоренко по направлению военкомата явились в Военно-химическую академию (тогда она называлась Академией химической защиты) имени К.Е. Ворошилова, куда и были приняты вместе с другими товарищами по институту, не пошедшими в ополчение, а также студентами Менделеевского химико-технологического института и студентами-химиками из Днепропетровска. Шел конец октября 1941 г. – время памятной московской паники и неразберихи. В общежитии не было мест, и приходилось ночевать на военном складе; ребят не кормили, приходилось перебиваться чем придется, благо в магазинах им тогда все давали бесплатно (продавщицы говорили: “чем немцу достанется, так уж лучше вы, солдатики, съедите!”). Наверное, потому что ребята были сыты, они дежурили по ночам в отрядах ПВО на крышах академии и не допустили ни одного возгорания.

Серьезная учеба в Академии химзащиты началась после того, как она была эвакуирована и обособилась в Самарканде. Курсантам преподавали технику и тактику химической войны и химической защиты. Кроме теоретических занятий, они участвовали в учениях, максимально приближенных к реальным условиям войны. Учения были нелегкими, но увлекательными. Командование факультета было довольно слушателями, и немудрено, поскольку они были собраны из лучших студентов ведущих химических вузов страны. В их рядах на первых ролях, конечно, был Н.П. Федоренко – он учился на одни пятерки. Особо отметим, что во время учебы в Самарканде в период Сталинградской битвы Николай Прокофьевич три раза подавал заявление с просьбой принять его в партию и отправить на фронт. На фронт его не отправили, сказав: “когда будет нужно, отправим”, а в партию приняли. Получив по окончании академии офицерское звание и “красный” диплом, Н.П. Федоренко при распределении по местам службы как отличник, проявивший исследовательские способности, был направлен в отдел изобретательства Главного военно-химического управления Красной Армии.

Первым поручением на новом месте службы для него стали архивные изыскания по истории “харьковской группы” ученых, впервые в СССР подступавших к созданию атомного оружия. Их перед самой войной отправили в ГУЛАГ. В его обязанности также входила оценка рационализаторских предложений и изобретений. Потом главным объектом внимания молодого офицера стало совершенствование противогазов, чем занималось сразу несколько научно-исследовательских институтов – ведомственных и академических, а также разработка ФОГов (фугасных огнеметов, действовавших по принципу управляемых мин) и РОГСов (ручных огнеметов – разновидности переносного оружия) и приготовление для них зажигательных смесей.

Работа шла интенсивно, т.е. дни и ночи, поскольку наши войска ждали и постоянно требовали эту технику. Н.П. Федоренко приходилось часто ездить на испытания, которые проходили на Западном фронте. Испытания закончились успешно: ФОГи и РОГСы стали производиться серийно. К этой работе добавились также поездки в тыл и на фронт с различными поручениями, в частности на испытания фильтрующих устройств для противогазов, а также по местам возможного применения противником химического оружия, когда оттуда поступала соответствующая информация. Тревожные сообщения приходили несколько раз, в частности, с Северного Кавказа, из Крыма и Белоруссии. Как правило, эта информация оказывалась ложной. Химическое оружие во Второй мировой войне не применяла ни одна из воюющих сторон, однако вероятность этого сохранялась. Так, во время одной из командировок в Белоруссию Николай Прокофьевич обнаружил большой немецкий склад с химическими снарядами.

Во время в целом успешной службы в Главном военно-химическом управлении с Н.П. Федоренко все же один раз случилось серьезное скандальное происшествие, из-за которого он был на какое-то время понижен в звании. Причем в конфликт, хотя и заочный, он вошел не с кем-нибудь, а с самим И.В. Сталиным, и именно поэтому рассказ об этом будет интересен читателю. Случилось так, что, когда наш герой находился на ответственном дежурстве в Управлении, возникла необходимость послать донесение Верховному Главнокомандующему о состоянии химических войск, подготовленное оперативным отделом. Такого рода документы, имевшие гриф секретности “серии К” (наивысшая форма секретности), направлялись в специальных двойных конвертах. Дело было глубокой ночью, и найти новый конверт никак не удавалось. Зная, что отправка срочная и по этому вопросу уже был звонок от секретаря Сталина А.Н. Поскребышева, Н.П. Федоренко запаковал донесение в уже однажды использованный конверт и отправил его с прибывшим из Кремля фельдшером. Вечером, после дневного отдыха, когда Николай Прокофьевич пришел в Управление, его поздравили с понижением в звании. Оказывается, Верховный ночью выразил Поскребышеву неудовольствие по поводу того, что для него не нашлось чистого конверта. Впрочем, других наказаний не последовало, а через полгода снятая звездочка вернулась на законное место.

В конце войны Н.П. Федоренко оказался на территории Польши в качестве адъютанта заместителя начальника главка генерала А.П. Лебедева. В это время тщательно проверялось состояние химической защиты наступающих советских войск, поскольку, по мнению политического руководства, в момент агонии фашистского режима вероятность химического нападения со стороны немецкой армии возрастала. Думали, что перед гибелью Гитлер может пойти на все.

В Берлин Лебедев и Федоренко прибыли сразу же вслед за наступающими советскими войсками, можно сказать, во втором их эшелоне и были расквартированы в Карлсхорсте – той же восточной части города, где находился штаб Г.К. Жукова, неподалеку от немецкого военно-инженерного училища, в бывшей столовой которого 8 мая произошло подписание акта о капитуляции Германии. Работы у них с первых же дней было невпроворот. Перед ними стояла нелегкая задача: разобраться в трофейном химическом хозяйстве немецкой армии, с оставшимся научно-техническим потенциалом и подготовить предложения о том, как с ним поступить. В этом деле у них часто возникали разногласия с “сабуровцами”¹, занимавшимися вывозом из Германии материальных ценностей. Подобно американцам, вывозившим из побежденной страны прежде всего “мозги”, Лебедев и Федоренко считали нецелесообразным нести излишние затраты на вывоз морально устаревшего производственного оборудования, чем особенно и зачастую бездумно увлекались “сабуровцы”. Многие из вывезенного так никогда и не было использовано.

Первое свое задание в Берлине Николай Прокофьевич выполнял на тщательно огороженном со всех сторон небольшом острове в районе Шпандау, где располагался химический центр гитлеровской армии, создававший боевые отравляющие вещества (БОВ). Ему было поручено провести собеседования с местной профессурой, которая осталась на месте в полном составе. Он не стал им угрожать и запугивать, а спокойно начал писать на доске химические формулы. У него имелись час-

¹ Так называли специалистов, занимавшихся вывозом в СССР трофейного промышленного (в основном машиностроительного) оборудования, поскольку ими руководил М.З. Сабуров (1900–1977). В годы войны он занимал пост первого заместителя председателя правительства и приобрел уникальный опыт эвакуации промышленных предприятий из Европейской части СССР на Урал и в Сибирь.

точные результаты анализов, проведенных в Москве, однако полной информации о немецких БОВ не было, и он писал практически наугад. Написал одну формулу, немцы замотали головами, написал другую – то же самое. В конце концов он наугад дописал формулу и понял, что попал в точку, услышав бурную реакцию аудитории: началось волнение и крики – “кто предатель?”. Бригада Федоренко забрала из этого центра документацию и реактивы, а людей оставила на островке под охраной.

И вот наступил великий день – 9 мая. На рассказе о нем следует остановиться подробнее. В тот день генерал Лебедев и капитан Федоренко были приглашены в одну из частей химических войск, чтобы отметить великий праздник долгожданной и выстраданной Победы. За ними прислали машину и привезли в бывшее имение гитлеровского бонзы, лидера “Трудового фронта” Лея. В центральном зале главного особняка был накрыт богатый по военному времени стол, посреди которого красовался громадный (метр двадцать на метр двадцать и высотой в полтора метра) торт. Его соорудил, “тряхнув стариной”, повар этой части, до войны он работал кондитером одного из лучших московских ресторанов – “Гранд Отеля”. Николаю Прокофьевичу было сказано, что это торт имеет отношение и к его дню рождения.

Особенно долго за столом гости не засиживались, поскольку ранним утром им предстояла поездка в собственную часть, располагавшуюся в отдаленной лесистой местности, где было еще много фанатичных и очень опасных недобитых фашистских солдат. С сожалением оставив красавец-торт, который не вмещался ни в одну машину, они отправились в свой батальон химзащиты поздравить бойцов с Победой. Их встретили радушно, живо интересовались новостями из Берлина. В части была праздничная обстановка, играл оркестр, в большом доме был накрыт стол. Однако, как рассказывал Николай Прокофьевич, несмотря на общее веселье, его не отпускала непонятная тревога, вызванная подсознательным ощущением, что они представляли собой громадную, открытую на все стороны мишень. По его совету он с генералом Лебедевым перешел из юнкерского особняка в небольшой отдаленный флигелек. И только они заснули, как помещичий дом был обстрелян из лесу из пулеметов и минометов, да так, что от него остался только обгоревший остов. К счастью, никто из солдат не погиб.

Но одним этим “веселье” не закончилось. Наутро командование ожидало наших героев в Берлине, и нужно было срочно выбираться. Но как это сделать, если в такой обстановке легче легкого можно нарваться на засаду, да и дорога наверняка заминирована. Пока вызовешь саперов, у которых в те дни работы было и так много, и они проверят 15 километров сельской дороги, пройдет несколько суток, а времени оставалось в обрез. И тут снова всех выручила интуиция и смекалка Н.П. Федоренко. Конечно, наши офицеры не могли поступить так, как делали фашисты: гнать впереди себя местных жителей, а самим следовать за ними. Николай Прокофьевич предложил поступить иначе: взяв с собой охранение на случай засады, пустить впереди шестерку лошадей, запряженную цугом попарно. Так и сделали, и оказалось, что он как в воду глядел: через пять километров – взрыв, через десять – еще один, на пятнадцатом – третий! После каждого взрыва приходилось возвращаться в деревню за новыми лошадьми, их запрягали и снова отправлялись в путь. Таким образом, никто из людей, включая и немецких ездовых, не пострадал, а достигнув автобана, офицеры доехали уже без происшествий. Как с грустью говорил Н.П. Федоренко, они вздохнули легко только когда доехали до места, однако его крестьянское сердце еще долго ныло по красавцам упряжным коням-тяжеловозам, породы которых он не знал – то ли першеронам, то ли брабансонам, то ли орденам.

Кстати, опасности не оставляли наших солдат и офицеров и позже, и не только на территории Германии. Так, на возвращавшуюся в СССР колонну автомобилей генерала Н.В. Кубасова – заместителя начальника Главного военно-химического управления – было совершено разбойное нападение посреди Польши в районе седлецких болот. Бандиты – власовцы или крайовцы – подчистую обобрали обоз, забрав даже не нужное им химическое оборудование. Не решившись убить советских офицеров, они все же поглумились над ними и отпустили в сторону Бреста босиком и в одном нижнем белье. После этих событий охрана транспорта была усилена, и в конце 1945 г. колонна, в которой находились Лебедев и Федоренко, закончившие дела в Берлине, добралась до советской границы вполне благополучно.

Так заканчивалась война. Кто-то под звуки марша “Прощание славянки” счастливый возвращался домой, кто-то оставался служить еще несколько лет, кто-то в последние дни войны лег в

землю Германии, Чехословакии, Венгрии или Польши. Однако прежде чем закончить наш рассказ, напомним еще об одном эпизоде из пребывания Н.П. Федоренко в поверженном Берлине, который, на наш взгляд, как в капле воды демонстрирует его природную смекалку и организаторские способности, в наиболее полной мере проявившиеся через двадцать лет, когда он взялся за создание и руководство своим любимым детищем – Центральным экономико-математическим институтом АН СССР.

Летом 1945 г. в Кайзеровском институте германской академии наук был обнаружен тогда единственный в мире электронный микроскоп, который было решено разобрать и вывезти в Москву. В электронных микроскопах тогда мало кто понимал, но Николаю Прокофьевичу, по его словам, сразу и очень сильно не понравилось предложение командования пригласить для его разборки взвод солдат, хотя бы и без шанцевого инструмента. Недолго поразмышляв, Н.П. Федоренко попросил у начальства машину пшенной крупы и полмашины сахара и сказал, что никаких солдат не понадобится. Начальство удивилось, но согласилось. Получив припасы, наш герой пригласил немца – начальника лаборатории – и сказал, что, если его сотрудники помогут разобрать и упаковать прибор, их будут кормить хлебом, сладкой кашей и дадут еще кое-что домой. Не секрет, что в Германии в те дни царил голод.

Надо было видеть, с какой тщательностью и аккуратностью, по винтику, по “кирпичику”, было разобрано это весьма не маленькое сооружение, и как было уложено и упаковано в ящики! Электронный микроскоп в отличном состоянии был сдан начальству и благополучно доехал до Москвы в Институт имени Л.Я. Карпова. А Николай Прокофьевич после возвращения на службу в Управление стал скучать, поскольку его работа там превратилась в рутинное канцелярское занятие. Его многократные попытки уйти на “гражданку”, чтобы заняться научной и преподавательской деятельностью, в конце концов завершились успехом. Думается, ни наука, ни сам Н.П. Федоренко, ни его соратники и ученики об этом не пожалели.